

УДК 821-161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-103-109

ДУЭЛЬ ПЕЧОРИНА С ГРУШНИЦКИМ В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА “ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ” КАК СУД ГЛАВНОГО ГЕРОЯ НАД МИРОМ

Чжан Явень*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Выявить суть и значение дуэли как смысловой составляющей сюжетных линий в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Процедура и методы. Основными исследовательскими методами являются культурно-исторический, психологический и аксиологический. Проведён анализ личности главного героя Печорина и его внутренних мотивов поведения, осуществлены наблюдения над динамикой развития конфликта между дуэлянтами.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о том, что дуэль и её кровавый исход представляют собой личный выбор принципиального характера для обеих сторон, особенно для Печорина, эту дуэль можно понимать как художественную метафору суда главного героя над миром.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в тщательном изучении личности и внутреннего мира главного героя, на основе которого оформлено многоуровневое истолкование сути и значения дуэли.

Ключевые слова: дуэль, мир, правда, Печорин, самопознание, суд

THE DUEL BETWEEN PECHORIN AND GRUSHNITSKY AS PROTAGONIST'S JUDGEMENT OVER THE WORLD IN THE NOVEL “A HERO OF OUR TIME” BY MIKHAIL LERMONTOV

Zhang Yawen*Lomonosov Moscow State University**Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation***Abstract**

Aim. To reveal the essence and meaning of the duel as a semantic component for the plot of the named novel.

Methodology. The research is based on the cultural-historical, psychological and axiological methods. The author analyzed the personality of the novel's protagonist Pechorin, as well as his inner motives for his actions. The development of the conflict between the duelists has been observed.

Results. Based on the study results, the author made a conclusion that the duel and its final bloody outcome represent a principal choice from both sides, especially for the main hero. This duel may be interpreted as an artistic metaphor for Pechorin's trial over the world.

Research implications. The study revealed a multilevel interpretation of the essence and meaning of the duel between heroes based on a thorough research on the personality and inner psychological characteristics of Pechorin.

Keywords: duel, trial, Pechorin, self-knowledge, truth, world

Введение

Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» состоит из 5 повестей с переставленными во времени событиями, в единстве которых представлен жизненный и духовный путь главного героя к обретению смысла человеческого существования, а также двух предисловий, дающих авторскую оценку содержания повестей. Согласно нарративной стратегии, основным композиционным приёмом в романе является смена повествователей, образ Печорина последовательно раскрывается по мере углубления его сути [2, с. 24]. В повести «Княжна Мери» происходит наиболее активное взаимодействие героя с окружающим миром, Печорин всячески пытается включиться в реальность внешнего мира, однако все обстоятельства приводят к поражению его стремлений, и среди них дуэль с Грушницким – событие кульминационное и наиболее значимое для понимания смысла повести. На тему дуэли как отдельный аспект изучения обращали внимание такие учёные, как Ю. М. Лотман, Я. Гордин, А. Востриков, А. В. Кацура, И. Рейфман. Теоретическая значимость данной статьи заключается в самой постановке проблемы исследования, позволяющей сделать важные наблюдения относительно аксиологической содержательности романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». При анализе материала уместны культурно-исторический, психологический, аксиологический методы.

В «Журнале» главного героя раскрываются самые интимные подробности его замкнутой души, через анализ которых можно предположить, что в отличие от вынужденного поединка в «Евгении Онегине», уступившего деспотии обычая, дуэль в «Герое нашего времени» устроена на иных сложных и глубоких основаниях: на самом деле, она не касается дела чести, а устроена как подлый фарс со стороны Грушницкого, подстрекаемого демоническим драгунским капитаном, и выступает как своего рода суд Печорина над всем миром, и прежде всего над самим собой.

Дуэль, как и другие *поворотные* поступки Печорина, имеют «аксиологическую основу» и проистекают «соответственно масштабу и глубине проблемы – принимать или не принимать этот мир, в котором человек не может обрести счастье» [6, с. 153].

Дуэль как национальный феномен в русской культуре: ритуал или суррогат самоубийства

При истолковании сути и смысла дуэли безусловную актуальность приобретает анализ личности Печорина и его внутренних мотивов поведения. Так, Ирина Рейфман в своей книге «Ритуализованная агрессия. Дуэль в русской культуре и литературе» выдвинула гипотезу: «Дуэль и самоубийство могли быть культурно и психологически взаимозаменяемы. Дуэль могла служить суррогатом самоубийства для тех, кто почему-либо скрывал свои суицидальные намерения» [9, с. 20]. За последнее время на гипотезу Рейфман откликнулись другие учёные: «Дуэль ... в начале XIX века (и особенно в русской литературе) признаётся способом физического и нравственного самоуничтожения (сам же герой постепенно становится из “нашего” человека человеком “лишним”» [5, с. 516]; для Печорина, «фактически, участие в дуэли с Грушницким можно рассматривать как усложнённую попытку самоубийства» [8, с. 83]. Действительно, если проследить состояние Печорина до самого начала поединка, то найдутся веские основания для сомнения в том, что у него было бессознательное желание смерти, которое в первую очередь связано с утратой очарования жизнью; тем не менее, состояние героя осложняется удручающими открытиями и глубоким разочарованием. Так, ещё накануне поединка герой обнаруживает жестокую для себя правду: «Было мне назначение высокое ... но утратил навеки пыл благородных стремлений, – лучший цвет жизни»¹. С другой стороны, нельзя исключать того, что

¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Проза, письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 321.

спокойствие главного героя в начале дуэли основано не столько на уверенности в своей победе, сколько на готовности к возможной смерти, т. е. он предоставляет свою судьбу слепому жребию. Последнее замечание подтверждается воспоминанием Печорина о своём восприятии природы перед дуэлью: «Я не помню утра более голубого и свежего!»¹ – природа для героя как будто стала выражением последней привязанности к этому миру, поэтому он и наблюдал её так «любопытно» и «жадно».

В «Княжне Мери» образ Печорина показан, прежде всего, крайне противоречивым – как результат сложного взаимодействия активной мыслящей личности и внешнего мира: с одной стороны, герой страдает от окружающей пошлости жизни, ему дано полное её видение, ему «скучно», он презирает и её, и самого себя; а с другой – он всячески пытается включиться в эту реальность, гонится за возможными новыми впечатлениями, в процессе чего делает себя любопытнейшим предметом беспощадного наблюдения: «Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия»². Заметим, что в «Княжне Мери» интерес героя к жизни не столько эмоциональный и чувственный, сколько познавательный, и, пожалуй, это объяснимо: герой, *переживший* волнения обычной жизни, не принимая обычного бытового представления о счастье и любви и не находя «генерализирующей цели в жизни», он всё-таки может стремиться к одной из целей – «постижению природы и возможностей человека» [10, с. 82]. Все увлеченные в реальности детали как будто становятся «посылаемыми судьбою знаками», которыми «Печорин старается не пренебрегать ... но внимательно читать их и расшифровывать» [4, с. 115]. Именно эта высокая потребность ума связывает все его внутренние мотивы поведения в повести «Княжне Мери»: он проверяет нравствен-

ность Грушницкого, *сеет зерно* настоящей, а не иллюзорной любви в княжне Мери, а самое главное – через всё это утверждает возможность достижения «высшего состояния самопознания», при котором «человек может оценить правосудие божие»³.

Дело в том, что после сцены со стаканом в записи от 11-го мая перед главным героем представлена *искажённая правда*, которую нужно исправить, к чему он немедленно приступает: «Если б был тут сторож, то он сделал бы то же самое, и ещё поспешнее ... Впрочем, очень понятно, что ей стало тебя жалко»⁴, – но Грушницкий, казалось бы, эту правду проигнорировал. После начала «комедии» Печорин второй раз попытался подсказать ему правду, чтобы остановить смешной спектакль: «Да солдатская шинель в глазах всякой чувствительной барышни тебя делает героем и страдальцем», однако молодой юнкер или не понял, или не готов её принимать, – он «самодовольно улыбнулся»⁵ и погрузился в свою романтическую фантазию. По мере развёртывания спектакля (несмотря на внутренние колебания, которые проявились в записи 16-го мая: «Я чувствовал необходимость излить свои мысли в дружеском разговоре... но с кем?»⁶) у Печорина уже не было третьей попытки примирения конфликта, этого не позволили бы самолюбие и постепенно углубляющееся презрение к Грушницкому, а также опасение показаться «смешным самому себе»⁷.

Амбивалентность устремлений Печорина: от презрения и злости к «высшему состоянию самопознания»

Настоящий поворот сюжета, который существенно изменил характер конфликта для обеих сторон, выразился в двух случайных подслушиваниях главного героя в Кисловодске, особенно в первом (вечером 12-го июня), когда он узнал о злобном умысле драгунского капитана устро-

¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Проза, письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 323.

² Там же. С. 324.

³ Там же. С. 294.

⁴ Там же. С. 267.

⁵ Там же. С. 275.

⁶ Там же. С. 283.

⁷ Там же. С. 313.

ить дуэль на незаряженных пистолетах. Вернувшегося домой Печорина всю ночь волновали два различные чувства: «грусть» и «ядовитая злость», «за что они все меня ненавидят? ... Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство?»¹ В этой связи С. И. Кормилов предлагает своё суждение о социально-политическом характере печоринского замечания: по мнению исследователя, после восстания декабристов 1825 г. власти невзлюбили не только аристократов, ставших «вдохновителем и организатором более “демократической”, охлократической реакции», для них и «человек, который держится с достоинством, в самом деле одним своим видом “порождал недоброжелательство”» [3, с. 20–21]. Враждебное отношение окружающих вызвало у героя глубокое недоумение и возмущение, однако он не смог понять свою ошибку: он ставил себя выше других, выступал режиссёром в их жизни, как бы своевольно манипулируя ими, не имея на это нравственного права. Он восклицает: «Берегитесь, господин Грушницкий! ... Я вам не игрушка!»², – присоединение бывшего приятеля к *злой силе* породило в его душе злость, эгоцентричный Печорин не умел поставить себя на место другого, совсем забывая, что сам Грушницкий был для него игрушкой.

«Я иногда себя презираю.. не оттого ли я презираю и других?»³, – печоринское презрение представляет собой искажённое выражение недовольства самой жизнью и неполное постижение своей возможной роли в ней, что обусловлено двойственностью личности героя при взаимодействии с миром. Так, после разговора с Грушницким герой признаётся: «Я лгал. Но мне хотелось его побесить. У меня врождённая страсть противуречить»⁴. Г. В. Москвин замечает, что со слов «я лгал» уже начинается «вну-

тренняя дуэль» и «спектакль Печорина, распространяющийся в произведение во взаимодействии двух линий: “Печорин в себе” и “Печорин для остальных”» [6, с. 143]. Эволюция «внутренней дуэли» Печорина вместе с развитием событий ярче всего наблюдается в двух записях: от 3-го июня и накануне поединка.

Запись 3-го июня – не просто беспощадное разоблачение героем собственных слабостей и пороков, хотя его в какой-то степени можно считать и самооправданием, которое оказало глубокое влияние на динамику развития событий. Дума героя начинается с загадочного вопроса: «Зачем я так упорно добиваюсь любви молодой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь?»⁵ и заканчивается суждением: «Душа, страдая и наслаждаясь, даёт во всём себе строгий отчёт и убеждается в том, что так должно»⁶. «Личность и поведение Печорина представляют собой единство особого качества, т. е. ни в одном из сюжетных эпизодов герой не действует “несогласно с собой” ... с принципами, убеждениями, натурой и т. д.» [7, с. 63]. «Так должно» и быть – отсюда те решительность, трезвость, жестокость и жертвенность, проявленные Печориным особенно при решении судьбы Грушницкого и княжны Мери. Однако накануне поединка герой обнаруживает жестокую для себя правду: «Было мне назначение высокое ... но утратил навеки пыл благородных стремлений, – лучший цвет жизни»⁷. Перед возможной смертью герой не оставляет завещания наследникам, у него нет друзей, которым он хотел бы «послать своё последнее прощанье», и нет женщины, которой хотел бы «оставить что-нибудь на память»⁸. «Что ж? умереть, так умереть! потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно. Я – как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что ещё нет его

¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Проза, письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 312.

² Там же. С. 312.

³ Там же. С. 313.

⁴ Там же. С. 267.

⁵ Там же. С. 293.

⁶ Там же. С. 295.

⁷ Там же. С. 321.

⁸ Там же. С. 324.

кареты. Но карета готова... прощайте!...»¹. В результате «внутренней дуэли» герой отдал себя слепому жребию – это его суд над самим собой ещё перед поединком.

Исход дуэли как итог нравственного выбора Печорина

В отношении к Грушницкому, по сути, на всём протяжении схватки (как во время вызова, так и во время самой дуэли) Печорин побуждал его сделать нравственный выбор, пытался найти в душе противника проблески благородства. До последнего момента, до выстрела, видя сильную внутреннюю борьбу, которая происходила в Грушницком, Печорин был убеждён в том, что противник выстрелит на воздух. Действительно, Грушницкий сначала целился «прямо в лоб», затем, казалось, что он, было, передумал («Вдруг он опустил дуло пистолета»²), но когда драгунский капитан обозвал его трусом, он всё-таки выстрелил в безоружного Печорина (хотя уже не в лоб, а в ногу), и пуля оцарапала колено противника. Возможно, это было результатом колебаний Грушницкого, однако в условиях той дуэли его выстрел можно трактовать как покушение на убийство. Э. Герштейн замечает, что на самом деле «не “судьба помиловала” Печорина (возможность, которую он сам допускал), а его умелое поведение на месте поединка и хладнокровие перед лицом задуманного против него преступления» [1, с. 55], ведь Печорин принял свои меры – он стоял на углу площадки, «крепко упершись левой ногою в камень и наклонясь немного наперёд, чтобы в случае лёгкой раны не опрокинуться назад»³. Видя, что его противник уходил всё дальше от своей совести и душевного благородства, Печорин принял свою последнюю, жесточайшую меру – разоблачил замысел противников и потребовал заново зарядить пистолеты. Таким образом, он поставил Грушницкого перед

выбором: если тот не откажется от своей клеветы, он будет приговорён героем к смертной казни. Именно в это время дуэль превратилась в настоящий суд Печорина над Грушницким, только в последнюю минуту жизни молодой юнкер постиг правду о себе и осознал, что оказался низким и жалким перед Печориным. Не справившийся с крахом своего мира, он выбрал смерть с ненавистью к Печорину, но и одновременно с презрением к себе.

Таким образом, финал «сценария» Печорина, казалось бы, воплотил его начальное предвидение в действительности («Я его также не люблю. Я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнёмся на узкой дороге, и одному из нас не сдобровать»⁴. И. С. Юхнова замечает, что «под влиянием иррациональных импульсов лермонтовские герои выстраивают свою систему ценностей, формируют свои “табу” и ограничения» [12, с. 278]. Действительно, так и поступил Печорин в дуэли с Грушницким. Однако неужели он поистине верил, что «так должно»⁵ было быть? После убийства герою пришло настоящее осознание произошедшего: у него было тяжело на душе, окровавленный труп Грушницкого напоминал о том, что это далеко не та “*finita la comedia*”, которую он предполагал, и она превратилась в истинную трагедию для обеих сторон – «Я невольно закрыл глаза ... У меня на сердце был камень. Солнце казалось мне тускло, лучи его меня не грели ... Вид человека был бы мне тягостен: я хотел быть один»⁶.

Заключение

В начале «Княжны Мери» Печорин с сокровенной надеждой и ожиданием входит в этот «светский» мир, пытается найти душевное общение и любовь, без которых нет полноценной жизни, однако с развитием сюжета все исходные цели героя искажаются. Рассмотрение проблемы дуэли в «Княжне Мери» позволяет сделать вывод

¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Проза, письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 321.

² Там же. С. 329.

³ Там же. С. 329.

⁴ Там же. С. 263.

⁵ Там же. С. 295.

⁶ Там же. С. 331.

относительно того, какой жестокий факт в судьбе Печорина раскрывается после кровавой дуэли как его суда над миром: бесконечное одиночество и обречённость на отчуждение от общества людей: «Печорин один и только один принципиально. Но он не хочет и не может быть один» [3, с. 13]. В этом заключается суть его трагедии, и, вероятно, сам Печорин так её и понимал. Именно на этой основе связываются события в «Фаталисте», наполненные философскими рассуждениями о судьбе человека; в «Бэле» Печорин с таким же разочарованием отказывался от возвращения в «свет»: «Мне осталось одно средство: путешествовать ... только не в Европу, избави боже!»¹

Это происходило у него, по замечанию Т. К. Черной, «в силу того разочарования в жизни, которое появилось как результат глубокого анализа не только окружающей действительности, но и своего места в ней, следовательно, как результат высокой степени и нравственного, и интеллектуального развития» [11, с. 360]. Печорин понял, что не может принимать этот мир, породивший его как составную свою часть, однако не насытивший душу. Вечное отдаление от жизни всех и есть его вечный суд над этим миром.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герштейн Э. Г. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. М.: Художественная литература, 1976. 125 с.
2. Дурылин С. Н. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. М.: Учпедгиз, 1940. 256 с.
3. Кормилов С. И. Роман о преходящем и вечном: социально-историческое и общечеловеческое в «Герой нашего времени». Статья первая // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2014. № 5. С. 7–32.
4. Кривонос В. Ш. Текст судьбы в «Герое нашего времени» Лермонтова // Новый филологический вестник. 2018. № 3 (46). С. 109–123.
5. Лулудова Е. М. Дуэль и её составляющие в русской литературе начала XIX века: психоаналитический аспект // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 515–518.
6. Москвин Г. В. Смысл романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М.: МАКС Пресс, 2007. 203 с.
7. Москвин Г. В. Духовные константы личности главного героя как основа идейной структуры романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (Чем не может поступиться Печорин) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 5. С. 62–68.
8. Мысовских Л. О. Григорий Александрович Печорин – лишний человек или русский экзистенциальный герой? // Культура и текст. 2022. № 2 (49). С. 77–85.
9. Рейфман И. Ритуализированная агрессия: дуэль в русской культуре и литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 327 с.
10. Удодов Б. Т. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М.: Просвещение, 1989. 188 с.
11. Черная Т. К. Русская литература XIX века. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2004. 623 с.
12. Юхнова И. С. Иррациональное и мистическое в творчестве М. Ю. Лермонтова (проблема разграничения) // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX–XXI вв.: коллективная монография. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2019. С. 275–282.

REFERENCES

1. Gershtein E. G. "Geroj nashego vremeni" M. Yu. Lermontova ["Hero of Our Time" of M. Yu. Lermontov]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1976. 125 p.
2. Durylin S. N. "Geroj nashego vremeni" M. Yu. Lermontova ["Hero of Our Time" by M. Yu. Lermontov]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1940. 256 p.

¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Проза, письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 232.

3. Kormilov S. I. [A Novel about the Transient and the Eternal: Of Social History and General Humanity in 'A Hero of Our Time'. Article 1]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology], 2014, no. 5, pp. 7–32.
4. Krivonos V. Sh. [The Text of Destiny in "The Hero of Our Time" by Lermontov]. In: *Novyj filologicheskij vestnik* [New Philological Bulletin], 2018, no. 3 (46), pp. 109–123.
5. Luludova E. M. [Duel and Its Components in Russian Literature of the Early 19th Century: Psychoanalytic Aspect]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2019, no. 6 (79), pp. 515–518.
6. Moskvina G. V. *Smysl romana M. Yu. Lermontova "Geroj nashego vremeni"* [The Meaning of M. Yu. Lermontov's Novel "A Hero of Our Time"]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2007. 203 p.
7. Moskvina G. V. [Spiritual Traits of the Title Hero as a Blueprint for the Ideological Structure of the Novel "A Hero of Our Time" by Mikhail Lermontov (What Pechorin Would not Forego)]. In: *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2018, vol. 77, no. 5, pp. 62–68.
8. Mysovskikh L. O. [Grigory Aleksandrovich Pechorin – A Superfluous Man or a Russian Existential Hero?], 2022, no. 2 (49), pp. 77–85.
9. Rejzman I. *Ritualizirovannaya agressiya: duel' v russkoj kul'ture i literature* [Ritualized Aggression: A Duel in Russian Culture and Literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 327 p.
10. Udodov B. T. *Roman M. Yu. Lermontova "Geroj nashego vremeni"* [Roman M. Yu. Lermontov "Hero of our Time"]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989. 188 p.
11. Chernaya T. K. *Russkaya literatura XIX veka* [Russian literature of the 19th Century]. Stavropol, Stavropol State University Publ., 2004. 623 p.
12. Yuhnova I. S. [Irrational and Mystical in the Works of M. Yu. Lermontov (The Problem of Differentiation)]. In: *Paradigmy perekhodnosti i obrazy fantasticheskogo mira v hudozhestvennom prostranstve XIX–XXI vv.* [Paradigms of Transition and Images of the Fantastic World in the Artistic Space of the 19th–21st Centuries]. Nizhny Novgorod, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky Publ., 2019, pp. 275–282.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжан Явень – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: daniashang317@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhang Yawen – Postgraduate Student, Department of the History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: daniashang317@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чжан Явень. Дуэль Печорина с Грушницким в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» как суд главного героя над миром // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 103–109.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-103-109

FOR CITATION

Zhang Yawen. The Duel Between Pechorin and Grushnitsky as Protagonists's Judgement over the World in the Novel "A Hero of Our Time" by Mikhail Lermontov. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2, pp. 103–109.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-103-109